

Мори Аринори: размышления о России. Поездка в Петербург летом 1866 г.

М. К. Ковальчук

Статья представляет собой анализ «Коро Кико» («Дневник морского путешествия в Россию») – дорожных записей Мори Аринори (1847–1889), первого министра просвещения Японии (1885–1889), составленных им во время поездки в Санкт-Петербург летом 1866 г. Данный документ представляет важное исследовательское значение, поскольку он позволяет понять суть представлений о России в японском обществе и механизма их формирования в период бакумацу (1853–1869) на самом раннем этапе развития русско-японских отношений.

Ключевые слова: история русско-японских отношений, бакумацу, Мори Аринори, японские студенты в России, Лоренс Олифант

Основы современного представления о России как о государстве были заложены в Японии не в нынешнем и даже не в прошлом веке. Понимание того, что представляет собой огромная территория, расположенная в непосредственной близости от Японских островов, и населяющий ее народ, начало формироваться здесь гораздо раньше. Отдельные сведения о российском государстве поступали в Японию в XVII и в XVIII вв., возможно и ранее, однако только в середине XIX в. в период *бакумацу*, после прекращения политики изоляции, японцы осознали необходимость расширения и анализа этой немногочисленной, разрозненной и не всегда верно отражающей действительность информации.

Знания о Российской империи пополнялись в процессе общения с членами русских посольств (посольство Лаксмана 1792 г., миссия Рязанова, 1804–1805, миссия Путятина, 1854), которые неоднократно появлялись у берегов Японии, чтобы склонить ее к началу торгового обмена. Жители японских островов знакомились с Россией и через западные информационные источники, которые в середине XIX в. были представлены преимущественно на голландском и английском языках. Немаловажную лепту в формирование образа северного соседа внесли и впечатления тех японцев, которым в период *бакумацу* удалось лично побывать на территории Российской империи и оставить письменные свидетельства об этих поездках. Среди последних наибольший интерес представляют дневники, воспоминания и письма тех людей, которые после реставрации Мэйдзи заняли важные официальные посты либо стали играть значимую роль в общественной жизни государства. Их мнение часто становилось основополагающим в процессе формирования взглядов японских обывателей на окружающий их мир.

В 1862 г. Россию посетила миссия Такэноути¹. В ее состав вошел Фукудзава Юкити (1835–1901), впоследствии один из самых известных просветителей эпохи Мэйдзи. Он вспоминал об этой поездке в своей автобиографии², правда, не очень подробно. Гораздо более детальное описание России ее внутренней и внешней политики, а также особенностей мышления и верований ее народа было дано в дневниках другого общественного и государственного деятеля эпохи Мэйдзи – Мори Аринори (1847–1889), которому, как и Фукудзава Юкити, довелось посетить ее в эпоху *бакумацу*.

Дневники будущего министра просвещения Японии и создателя современной структуры системы японского образования, известные под названием «Коро кико» («Дневник морского путешествия в Россию») были написаны Мори Аринори во время его краткосрочного визита в Санкт-Петербург летом 1866 г. В то время Мори было всего девятнадцать лет, и он в числе пятнадцати студентов княжества Сацума проходил обучение в Великобритании. На стажировку в одно из лучших учебных заведений Англии того времени – Лондонский университетский колледж – сацумцы были направлены по приказу главы княжества Симадзу Тадаёси в нарушении сёгунского запрета о выезде из страны³. Чтобы избежать наказания, им пришлось взять себе вымышленные имена и фамилии. Мори Аринори, например, во время учебы в Англии носил имя Савай Тэцума⁴.

В Лондоне студенты из Сацума должны были заниматься в первую очередь теми науками и дисциплинами, постижение которых могло помочь в укреплении обороноспособности княжества.

Японские историки подчеркивают, что точные науки, освоение которых являлось главной задачей программы обучения, давались Мори Аринори легко⁵. Однако, судя по письмам, отправленным им из Англии его старшему брату Ёкояма Ясутакэ (1843–1870), гуманитарные дисципли-

¹ Получила свое название по фамилии главы миссии Такэноути Ясунори.

² The autobiography of Fukuzawa Yukichi, Medison biiks, 1992, P. 135–138.

³ Сёгунат пошел на некоторое ослабление запрета на выезд из страны только весной 1866 г., когда решил направить для обучения за границей собственных студентов. Распоряжение центрального правительства от 21 мая 1866 г. разрешало выезжать в другие страны после получения соответствующего разрешения бакуфу. Сомнительно, чтобы княжеству Сацума, стоявшему в оппозиции к центральному правительству, удалось бы получить такое разрешение для своих самураев. Однако в то время, когда было издано это распоряжение, пятнадцать сацумских студентов уже находились в Англии. См. *Inoue Takutoshi. Japanese Students in England and the Meiji Government Foreign Employees (Oyatoi): the People who supported Modernization in the Bakumatsu and Early Meiji Period. Kwansei Gakuin University, 2008, P. 4.*
<http://www-econ.kwansei.ac.jp/~econ/gs/dp/kgdp40.pdf>

⁴ *Andrew Cobbing. The Satsuma Students in Britain. Japan's Early Search for the "Essence of the West". Japan Library, 2000, P. 34.*

⁵ *Сотогава Цзуюо.* Вакаки Мори Аринори но Росиакан-о мэгуттэ. (О взглядах на Россию молодого Мори Аринори). Университет Хоккайдо, 1985, с.74.

плины, прежде всего юриспруденция и история стран Европы и США, вызывали в нем не меньший, а возможно даже и больший интерес чем физика и математика. После года интенсивной учебы, которая несомненно обогатила его новыми знаниями и навыками, Мори осознал, что постижение только прикладных наук, важность которых он не отрицал, не даст ему возможности составить полное представление о государственном и социальном устройстве европейских стран. Желая увидеть жизнь Европы за пределами английской столицы, он и его сокурсник – будущий вице-адмирал японского флота Мацумура Дзюндзо – во время летних каникул 1866 г. предприняли короткое путешествие в Россию.

Выбор Санкт-Петербурга в качестве конечной цели поездки был обусловлен несколькими причинами: во-первых, путь в столицу Российской империи лежал по морю, что давало шанс освоить во время путешествия некоторые базовые навыки морского дела под руководством известных своим мастерством английских моряков⁶. Во-вторых, Мори и Мацумура хотели встретиться и пообщаться с японскими студентами, проходившими обучение в Санкт-Петербурге по распоряжению правительства сёгуната. В-третьих, поездки на каникулах за границу с познавательными целями в британских университетах считались показателем студенческого рвения. Не удивительно, что молодые японцы решили последовать примеру своих английских сокурсников⁷.

Дневники Мори впервые были обнаружены и опубликованы в 1941 г. японским историком Окубо Тосиаки в журнале «Гэккан Росиа» – («Россия. Ежемесячник») ⁸. Позже они вместе с другими текстами Мори вышли в свет на страницах его полного собрания сочинений⁹. Комментируя «Коро кико», Окубо Тосиаки отмечал, что будущий создатель образовательной системы Японии в силу своей прозорливости и выдающихся умственных способностей на самом раннем этапе развития русско-японских отношений сумел рассмотреть и оценить ту опасность, которую несли Японии внешняя политика ее северного соседа на Дальнем Востоке. Столь высокая оценка, данная японским ученым аналитическим и даже, можно сказать, провидческим способностям Мори, подтолкнула нас к проведению собственного анализа его высказываний о России.

«Коро кико» является не единственным письменным источником, позволяющим понять суть представлений Мори Аринори о Российской

⁶ В далекую Россию Мори и Мацумура добирались на английском парусном судне «Джордж и Эмили», на борт которого они были зачислены на время поездки палубными матросами.

⁷ *Ivan Parker Hall. Mori Arinori. Harvard University Press, 1973, P. 76.*

⁸ *Окубо Тосиаки. Мори Аринори но «Коро кико». Нитиро бунка косёси но иссюцу («Дневник морского путешествия в Россию» Мори Аринори. Одно из событий из истории русского японского культурного общения) / Гэккан Росиа (Ежемесячник Россия). Токио. Т. 7 (4), 1941, р. 146–168.*

⁹ *Мори Аринори. Дзэнсю. (Полное собрание сочинений Мори Аринори) под редакцией Окубо Тосиаки. Токио, 1972, т.2, С. 4–33.*

империи середины XIX в. Рассуждения о ней встречаются и в одном из его писем к старшему брату Ёкояма Ясутакэ (1843–1870), написанных во время учебы в Лондоне и отправленных в Иокогаму летом 1866 г. незадолго до поездки в Петербург. Сравнительный анализ этих двух документов дает возможность понять, что думал будущий министр просвещения Японии о Российской империи до и после своего визита в ее столицу.

«Волк в овечьей шкуре»

До приезда в Россию у Мори Аринори не было возможности составить мнение о ее внутренней и внешней политике, основываясь на информации, взятой из первоисточников, хотя бы по той причине, что русским языком он не владел. При этом год интенсивного обучения в Лондоне позволил ему освоить английский язык в степени достаточной для того, чтобы знакомиться с новостями и аналитическими статьями, публикуемыми на страницах местной прессы.

Анализ вышеупомянутых источников показал, что больше всего Мори интересовала и волновала российская внешняя политика и русско-японские отношения, тенденции в развитии которых, по его словам, вызывали у него серьезные опасения. В письме к брату от 3 июня 1866 г., комментируя желание России завязать с Японией дружеские отношения и оказать ей помощь в возможном противостоянии с Англией, Францией или США, Мори подчеркивал, что за российскими заявлениями о дружбе и поддержке скрывается желание решить свои собственные проблемы в Дальневосточном регионе. Для подтверждения своих слов он рассказал брату о неудачной попытке России усилить свой статус морской державы путем захвата Константинополя – именно в этом, по его словам, состояла основная цель Крымской войны 1853–56 гг. Выход России к Средиземному морю, который она могла бы получить в случае победы, шел вразрез с интересами других европейских держав, в первую очередь с интересами Великобритании. Это, по словам Мори, стало причиной создания антирусской коалиции, в которую помимо Османской империи вошли Англия, Франция и еще несколько европейских государств. В результате Россия потерпела поражение, которое не только лишило ее надежды выйти в Средиземноморье, но и закрыло доступ ее военным судам к водам Черного моря¹⁰. Более того, мирное соглашение, подписанное в Париже в 1856 г., ограничило возможности и для усиления ее флота на Балтике.

Утратив шанс продолжить свое военно-морское развитие в Европе, подчеркивал Мори в письме к брату, русские обратили внимание на

¹⁰ Подписанный в 1856 году Парижский мирный договор требовал от России вернуть Османской империи все территории, захваченные в южной Бессарабии, в устье реки Дунай и на Кавказе; кроме того всем черноморским державам, в том числе и России, запрещалось иметь боевые корабли на Черном море, провозглашенном нейтральными водами.

восток. «Если сейчас мы решим завязать с Россией дружеские отношения, – писал он, – то в ближайшем будущем она без сомнения скажет нам, что Британия, Франция и США хотят нас поглотить и предложит объединить с ней наши усилия, дабы избежать этого. Как только мы проглотим эту наживку, Россия потребует от нас разрешения на строительство портов в стратегически важных пунктах (нашего побережья – М.К.), а затем разрешения на заход в эти порты ее военных судов, а возможно и войск. Думаю, нет нужды говорить, что в этом случае мы окажемся проглоченными самой Россией».¹¹

В качестве доказательства Мори привел инцидент с высадкой и достаточно продолжительным нахождением команды российского корвета «Посадник» на японском о. Цусима (1861)¹². В действиях русских моряков он видел прямое доказательство намерений России укрепить свои военно-морские позиции в теплых водах Тихого океана путем захвата стратегически важных пунктов на побережье Японских остров. Комментируя действия русских, Мори писал: «Теперь они рассматривают какой-либо другой порт... под шкурой кроткой овечки у них скрывается волчья сердце»¹³. Интересно, что в письме брату Мори указал, что попытка захвата русскими Цусимы была предотвращена совместными усилиями Англии и Франции. Хотя в действительности французы не принимали активного участия в урегулировании данного инцидента.

¹¹ *Мори Аринори*. Дзэнсю (Полное собрание сочинений Мори Аринори). Токио, 1972, т. 2, с. 52.

¹² «Цусимский инцидент» (яп. «Росиа сэнкан Цусима сэнрё дзикэн», «Инцидент с захватом Цусимы российскими военными судами») – международный инцидент 1861 года, ставший причиной обострения отношений между Российской империей и Японией. Поводом к его началу стало страстное желание ряда российских чиновников, в том числе и самого императора Александра II, основать стратегически важный форт в полностью свободном от льда Цусимском проливе Японского моря. Ярыми сторонниками проекта аренды подобного форта были великий князь Константин Николаевич, а также командующий русской эскадрой в Тихом океане контр-адмирал И. Ф. Лихачёв. В начале 1861 г. Лихачев направил к берегам о. Цусима корвет «Посадник» под командованием капитан-лейтенанта Н. А. Бирилёва, поднявшего перед местными чиновниками вопрос об аренде земель, прилегающих к мысу Имосаки. Без разрешения центрального японского правительства экипаж корвета начал строительство военно-морской станции. Центральное руководство Японии, встревоженное действиями русских, немедленно вступило в переговоры с российским консулом в Хакодате И. А. Гошкевичем, фактически выполнявшим функции посла, но не поставленным в известность о секретном поручении Лихачёва. Встревожились и англичане, выславшие к Цусиме свои военные корабли и потребовавшие отзыва «Посадника», о чем просил и Гошкевич. Лихачёв «пошел навстречу» пожеланиям русских, японских и английских дипломатов: «Посадник» на время сменил клипер «Опричник». И лишь после прибытия самого командующего эскадрой в Хакодате, где он смог осознать масштабы затеянного политического скандала, И. Ф. Лихачёв отдал приказ о ликвидации станции.

¹³ *Кимура Кё*. Мори сэнсэйдэн (Биография учителя Мори). Токио, 1987, с. 17–18.

Скажи мне, кто твой друг...

Американский исследователь Иван Паркер Холл в работе «Мори Аринори», рассказывая о времени, проведенном Мори в Лондоне, подчеркивал, что на протяжении всего срока обучения он и другие сацумские студенты находились под особой опекой и покровительством бывшего первого секретаря британской миссии в Эдо – Лоренса Олифанта (1829–1888). Того самого Лоренса Олифанта, который в 1861 г. по распоряжению английского консульства в Эдо отыскивал место стоянки корвета «Посадник» на о. Цусима и принял непосредственное участие в переговорах по выдворению русских военных моряков с японского острова. Известно также, что именно Л. Олифант, который в 1865 г. являлся членом британского парламента, при посредничестве профессора А. Уильямса¹⁴, договорился о принятии японцев на учебу в университетский колледж Лондона. Скорее всего, описывая в письме к брату *цусимский инцидент*, Мори представил его в том свете, в котором он был подан самим Олифантом. Что касается французского посредничества при его урегулировании, то либо англичанин упомянул о нем, чтобы показать, что военно-морское усиление России на Тихом океане идет вразрез с интересами всей Европы, а не только Великобритании, либо сам Мори по ошибке решил, что англо-французское сотрудничество против России, имевшее место в Крымской войне (1853–1856), было и в Японии.

Об активном участии Л. Олифанта в жизни японских студентов в Лондоне вспоминал и Мацумура Дзюндзо – друг и сокурсник Мори Аринори. Именно с ним летом 1866 г. Мори и предпринял поездку в Россию. В своих мемуарах Мацумура описал Л. Олифанта как «человека, оказывавшего помощь и поддержку во всем», «человека, от которого мы черпали знания о ситуации в Англии и других странах»¹⁵. Он также вспоминал, что в разговоре с японцами Л. Олифант часто очень резко и нелицеприятно высказывался о России, давая при этом весьма высокую оценку Соединенным Штатам.

Нужно сказать, что Лоренс Олифант был личностью весьма разносторонней и неординарной. Путешественник, литератор, дипломат. Сын

¹⁴ Профессор Александр Уильямсон – был в то время значимой фигурой в научном мире Великобритании. Он был не только профессором химии в одном из лучших высших учебных заведений Британии – Лондонском университете, но также возглавлял английское Химическое общество и был действительным членом Королевского научного общества. В свое время профессор Уильямсон оказал поддержку и пяти самураям клана Тесю, приехавшим в Великобританию на учебу двумя годами ранее (1863): Ито Хиробуми, Иноуэ Каору, Иноуэ Масару, Эндо Кинсуке, Ямао Ёдзо. Все они впоследствии стали выдающимися государственными деятелями Японии.

¹⁵ Саппан кайгун-си (Военно-морская история княжества Сацума). Токио, 1968, т. 2, с. 903, 905, 907.

известного шотландского путешественника сэра Энтони Олифанта. Уже к двадцати четырем годам он опубликовал две книги, в основу которых легли его собственные путевые заметки. Одна из них – «Черноморское побережье России осенью 1852 г., путешествие вниз по Волге и по стране донских казаков»¹⁶ была посвящена его визиту в Россию.

Поездка по российской глубинке была из ряда авантюрных – два отпрыска богатых семей решили прокатиться по землям, не занесенным в список привычных туристических маршрутов. По словам самого Олифанта, который, к слову сказать, не получил в детстве систематического образования, он рассматривал подобные поездки как своеобразную «индивидуальную систему самообразования»¹⁷.

Впечатление о России и русских, составленное им за время пребывания на российской территории вряд ли можно назвать позитивным. Увиденное и услышанное за время путешествия убедило Л. Олифанта в том, что Британия переоценила Россию, присвоив ей статус соперника, несущего угрозу ее безопасности и процветанию. «Я не думаю, что нам следует бояться России, – писал он в одном из своих писем на родину, – ее гигантские размеры делают ее громоздкой и неуклюжей. Народ тут темный и некультурный, мы всегда будем иметь здесь те же самые преимущества, которые наша цивилизованность и просвещенность дают нам в азиатских странах. По моему мнению, Россия мало чем отличается от Китая. Разница лишь в том, что обычно народы варварских стран с уважением относятся к цивилизованным нациям, чего нельзя сказать о русских – судя по тому, как грубо они обходятся с вами при прохождении таможенного досмотра»¹⁸. Возможно, это первое впечатление стало формирующим во взглядах Л. Олифанта на Российскую империю.

Что касается Японии, то в «стране восходящего солнца» англичанин был дважды. Первый раз в качестве личного секретаря английского дипломата лорда Эджина (1811–1863), когда тот прибыл в Эдо для подписания англо-японского договора о дружбе и торговле (1858). Л.Олифанту посчастливилось увидеть Японию, еще не испытывшую на себе иностранного влияния, в ее, так сказать, первозданной красоте. Он был покорен и очарован увиденным. Описание этой поездки, вышедшее под названием «Повествование о миссии графа Эджина в Китай и Японию в 1857, 1858, 1859 гг.»¹⁹ за авторством Олифанта по сей день

¹⁶ *Laurence Oliphant*. The Russian shores of the Black sea in the autumn of 1852, with a voyage down the Volga, and a tour through the country of the Don Cossacks. Edinburgh and London: Blackwood and Sons, 1854.

¹⁷ *Memoir of the Laurence Oliphant and of Alice Oliphant His Wife*. London, 1891, vol. 1, P. 85.

¹⁸ *Ibid.*, P. 86.

¹⁹ *Laurence Oliphant*. Narrative of the Earl of Elgin's mission to China and Japan in the years 1857, '58, '59. Edinburgh : William Blackwood and Sons , 1859, v.1, v.2.

остается одним из самых увлекательных и подробных рассказов иностранцев о Японии периода *бакумацу*.

По возвращению в Англию Л.Олифант несколько раз подавал прошения о назначении в английскую дипломатическую миссию в Эдо. В 1861 г. его прошение было удовлетворено, и он смог вернуться в Японию, на этот раз в качестве секретаря миссии. К сожалению, его второй визит оказался не столь приятным. В стране бушевали антииностранные настроения. Спустя неделю после его вступления в должность 5 июля 1861 г. на здание миссии было совершено нападение. Л. Олифант был ранен и вынужден был покинуть Японию²⁰.

Нужно сказать, что, несмотря на тяжелое ранение, нанесенное ему ронином из княжества Мито, англичанин сохранил свое восхищение и привязанность к стране восходящего солнца. Об этом, в частности, говорит, то участие, которое он по доброй воле, а не по долгу службы принял в судьбе сацумских студентов в Лондоне, помогая им освоиться в британской столице. Однако страх и физические страдания, пережитые им летом 1861 г. могли усилить его неприязненное отношение к России, поскольку английские дипломаты были уверены, что нападение на миссию было спровоцировано действиями русских моряков на о. Цусима²¹.

Россия – мифы и... «реальность»

В письме к брату от 3 июня 1866 г. Мори постарался убедить последнего, что Япония должна быть крайне осторожна в общении с Россией. По его мнению, образ Российской империи, существовавший в то время в стране, был излишне идеализирован. В середине XIX в. многие японцы считали Россию «благородной страной» – *гикоку*, осуществляющей честную и справедливую политику по отношению к другим странам. Это представление зародилось еще в период открытия Японии. Тогда поведение российской делегации во главе с адмиралом Е. В. Путятиным, пришедшей для заключения торговых договоров в единст-

²⁰ В результате ранения, полученного в ходе нападения на миссию от одного из ронинов княжества Мито, левая рука Олифанта оказалась сильно повреждена и утратила свою подвижность.

²¹ В конфиденциальном донесении министру иностранных дел Британии Дж. Рассэлу от 2 августа 1861 г. глава английской дипломатической миссии в Японии Р. Элкок писал: «Эта попытка уничтожить миссию, по всеобщему мнению, была спланирована и осуществлена принцем о. Цусима в качестве реванша за то поражение, что он потерпел от русских, вторгшихся в его владения. Говорят, что нападавшие были его подданными, которые совершили нападение под видом лонинов (ронинов – М. К.) (общий термин, которым именуются здесь разбойники, творящие беззаконие, или люди подобного рода, специально нанятые для этого его представителями...» Cit. in British Documents on Foreign affairs. Reports and Papers from the Foreign Office Confidential Print. Part 1. From the Mid-Nineteenth Century to the First World War. Ser. E, Asia, 1860–1914. Vol. 1 Japan and North-East Asia, 1860–1878. University Publications of America, 1989, P. 31.

венный открытый для иностранцев порт Нагасаки и терпеливо ожидавшей ответа японской стороны, резко контрастировал с действиями американцев²².

Для того чтобы убедить брата в том, что японцы заблуждаются в отношении миролюбивого характера российской внешней политики, Мори перечислил несколько исторических фактов, которые, по его мнению, наиболее ярко демонстрировали истинное лицо русских.

Первым в представленном списке шло подавление Польского восстания 1863–1864 гг. Правда, в интерпретации Мори оно звучало как «прошлогодний захват Польши» (письмо написано в 1866 г., значит, имелся в виду 1865 г.)²³, что доказывает, что японец не очень хорошо ориентировался в хронологии российской внешней политики.

Далее шел «захват Россией половины территории Швейцарии» (факт, не имевший места в истории российского государства). Японские исследователи предполагают, что Мори допустил ошибку и, говоря о Швейцарии, имел ввиду Финляндию²⁴.

Помимо «захвата половины территории Швейцарии», в ряду проступков за Россией числилась «неудачная попытка колонизации Индии». Поскольку в письме отсутствуют пояснения, какие именно действия России Мори рассматривал как попытку присоединения к ней территорий на полуострове Индостан, можно предположить, что он имел ввиду распоряжение Павла I от 1801 г. об отправке в Индию двадцати тысяч донских казаков с целью захвата британских владений в этой стране. Павел действительно планировал выдворение англичан из Индии, причем не один, а в содружестве с Наполеоном III. В любом случае, эти планы не были осуществлены. Приказ Павла был отменен его сыном Александром I в том же 1801 г. сразу после смерти отца.

Последним пунктом в списке противоправных действий России в отношении других стран была указана уже упомянутая высадка русских военных моряков на о. Цусима (1861 г.).

Вышеназванные акции и планы российского правительства (конечно только те, что в действительности имели место в истории государства)

²² Военные корабли США в нарушении японских законов зашли в залив Эдо и под угрозой обстрела японской столицы заставили подписать японо-американский договор о «дружбе и торговле» (1854 г.).

²³ В действительности восстание было подавлено годом раньше в 1864 г. Примечательно, что Л. Олифант посетил Польшу в 1863 г. в разгар восстания и оставил воспоминания об этой поездке. Это дает нам право предположить, что вопрос российской политики в Польше был освещен Мори также как и вопрос с инцидентом на о. Цусима, основываясь на свидетельствах Олифанта. Рассказ Л. Олифанта о польском восстании 1863–1864 г. см. *Laurence Oliphant. Episodes in a Life of Adventure// The Western Encounter with Japanese Civilization, 1800–1940. Japan Library, 2000, P. 243.*

²⁴ *Сотогава Цугуо*. Вакаки Мори Аринори но росиакан-о мэгуттэ (О взглядах на Россию молодого Мори Аринори) // Сурабу кэнкю 32. Университет Хоккайдо, 1985, с. 80.

безусловно можно характеризовать как несправедливые по отношению к другим народам, но такова была суть внешнеполитической доктрины всех значимых европейских держав того времени.

В то же самое время убеждение японцев в том, что Россия является сильным государством, способным составить конкуренцию любому другому западному гиганту, по мнению Мори, являлось заблуждением. «Многие, указывая на Россию, называют ее сильной страной, – писал он в письме к брату, – но разве можно сравнить ее с Англией, Францией или США? Русские изначально обладали огромной территорией, занимающей треть мира (земной поверхности – М. К.) Но климат (на этой территории – М. К.) слишком холоден для иностранцев. Русские кичатся своей силой и смотрят свысока на другие страны, однако события прошлого показывают, что в действительности это скорее безгранично холодная, нежели безгранично сильная страна»²⁵. «Какие серьезные достижения числятся за Россией?» – спрашивает Мори и объясняет, что даже самую громкую из российских побед – победу над армией Наполеона одержал невыносимый холод русской зимы и нехватка провианта, а не сила и боеспособность русских войск. Так что, по мнению восемнадцатилетнего японца²⁶, только «деревенский житель» (под этим понятием Мори, видимо, имел в виду человека темного и несведущего) мог считать Россию сильной державой.

Хотелось бы еще раз подчеркнуть, что цитируемое здесь письмо было написано Мори до поездки в Петербург, другими словами оно было основано не на личных впечатлениях, а лишь на прочтенном и услышанном о России в Англии. Несомненно, однако, что этот, назовем его базовым, взгляд на Россию, как на державу, уступающую в своем развитии передовым странам Запада, не мог не оказать влияния на восприятие Российской империи при личном знакомстве с ней.

Неумелый коммерсант...

Мори и Мацумура покинули Лондон 1 августа 1866 г., а вернулись 10 сентября того же года. Однако большая часть их поездки прошла в пути. В Петербурге японские студенты были всего 10 дней с 24 августа по 2 сентября. Свои записи о визите в Россию Мори начал с описания Кронштадта, его географического положения и истории, попутно дав оценку обороноспособности порта. Рассуждая о главной морской гавани Российской империи, которой, по его мнению, в то время являлся Кронштадт, японец коснулся вопроса внешней торговли российского государства и ее специфики. Свои выводы, достаточно критические,

²⁵ Мори Аринори дзэнсю. Указ.соч., с. 52–53.

²⁶ Мори родился 23 августа 1847 г. Свое девятнадцатилетие он отметил за день до своего прибытия в Россию 24 августа 1866 г. Так что хотя оба цитируемых нами источника были написаны в один год, «Коро кико» Мори написал будучи годом старше.

как и многие другие его суждения о России, Мори сопровождал статистическими данными, призванными показать несовершенство торговых навыков русских.

«В гавань Кронштадта заходит до двух тысяч торговых судов (Мори не указывает, за какой период взята эта статистика, но скорее всего он приводит годовые данные – М. К.), около полутора тысяч из них английские. Из Британии в основном завозится уголь. Из России вывозятся животные жиры, конопляная пенька (для изготовления парусов и морских снастей для английского морского флота – М. К.), шкуры животных, древесина. Большая часть российского экспорта приходится на животный жир и зерно. Согласно статистике, за 1864 г. в Россию было ввезено товаров на один миллиард триста миллионов фунтов, на наши (японские – М. К.) деньги это примерно три миллиарда девятьсот миллионов *ре*²⁷. А из России в том же году товаров было вывезено всего лишь на семьсот миллионов (фунтов – М. К.)... Очевидно, что Россия очень неумело ведет свою торговлю».²⁸

Мори видел причины внешнеторгового дисбаланса России в ее, так называемой, «периферийной позиции»²⁹ на мировом рынке, которая заключалась в том, что Россия дешево продавала более развитым в промышленном отношении странам свои ресурсы, чтобы потом втридорога купить у них продукцию, сделанную из этих ресурсов.

Насколько выводы Мори соответствовали действительности? Первое, что бросается в глаза при знакомстве с данными, представленными на страницах «Коро кико» – это то, что они представлены в фунтах. Этот факт дает нам право предположить, что японец тщательно готовился к поездке в Санкт-Петербург, (возможно, в лондонских библиотеках) и прибыл в Россию с уже сформировавшимися представлениями об особенностях торговой политики государства.

Неизвестно, из каких именно информационных ресурсов была взята приведенная выше статистика, однако очевидно, что она не отражала реального положения в российской торговле. Согласно «The Statesman's Year-Book»³⁰, ежегодному статистическому сборнику Великобритании, в 1864 г. в Россию было ввезено товаров на 154 697 989 рублей, что в английской валюте составило 24 493 849 фунтов (как мы видим, речь идет о миллионах, а не о миллиардах). Что касается экспорта, то согласно тому же сборнику, в 1864 г. Россия продала за границу товаров на 154 473 154 рублей (24 450 250 фунтов). Другими словами, того

²⁷ *Ре* – весовая единица, ставшая основой денежной системы Японии в эпоху Токугава. Равнялась 15 г. золота.

²⁸ *Коро Кико*. Указ. соч., с.17.

²⁹ Мори использует термин *инакадзин* – (человек из деревни), который обычно противопоставляется *токайдзин* (городской житель)

³⁰ The statesmen's year-book. A statistical, mercantile, and historical account of the states and sovereigns of the civilized world. A manual for politicians and merchants for the year 1868. London, 1868.

ужасающего внешнеторгового дисбаланса, о котором писал Мори в своем дневнике, в действительности не существовало.

Более того, согласно «The Statesman's Year-Book» в том же 1864 г. объем российского экспорта в Британию в восемь раз превысил объем импорта товаров английского производства в Россию. Причем эта тенденция сохранялась в период с 1862 по 1868 г.³¹

Год	Импорт из России в Великобританию (в фунтах)	Экспорт товаров английского производства из Великобритании в Россию (в фунтах)
1862	15 101 069	2 070 918
1863	13 419 263	2 695 276
1864	14 711 202	2 854 898
1865	17 383 697	2 923 006
1866	19 636 129	3 093 231

Возможно, что на мысль о доминировании английского импорта во внешнеторговом обороте России японца могло навести большое количество английских торговых судов, увиденных в гавани Кронштадта. Не зная о том, что торговля товарами российского производства в то время часто осуществлялась при посредничестве английских и немецких торговых домов (которые получали от нее немалую прибыль), а их перевозка – британскими мореходными компаниями, Мори вполне мог предположить, что увиденные им английские суда используются исключительно для ввоза в Россию товаров из Великобритании³².

Что касается «периферийного» характера российской внешней торговли, то с данной характеристикой сложно поспорить, поскольку в перечне товаров, вывозимых Россией за рубеж в середине XIX в., действительно преобладали сельскохозяйственные продукты и сырье. В то время как ввозила она в основном изделия промышленного производства: хлопковые, шерстяные и шелковые ткани, станки, инструменты, железо, олово и т. д.

³¹ Ibid., P. 417.

³² Более сведущими в вопросах российской торговли оказались члены посольства Ивакура, прибывшие в Россию через семь лет после Мори Аринори. В тексте «Объё кайран дзикки» – официальных хрониках этого визита, их автор – секретарь миссии Кумэ Кунитакэ – писал: «Половина российского экспорта перевозится английскими торговыми судами... второе место по грузоперевозкам российских товаров занимает Германия. Что касается российского импорта, то сорок его процентов перевозится на немецких судах, вслед за ними идут английские». (The Iwakura Embassy 1871–1873. A true account of the ambassador extraordinary & plenipotentiary's journeys of observation through the United States of America and continental Europe, compiled by Kume Kunitake. The Japan Documents, 2002, т. 4, P. 19).

Государство, несущее опасность...

Знакомство с текстом дневниковых записей Мори показывает, что визит в Россию принципиально не изменил его мнение о ней. Скорее к образу России – страны с широкими экспансионистскими амбициями (а именно так она была представлена в письме к брату от 6 июня 1866 г.) добавились новые детали. «Обладая огромной территорией, Россия стремится увеличить ее еще больше, причем во всех четырех направлениях (имелись ввиду стороны света – М.К.)»³³ – писал он, подчеркивая тотальный характер российской экспансии. При этом Мори не скрывал, что его как японца больше всего заботят и волнуют планы по возможному увеличению территории российской державы в дальневосточном регионе.

В Петербурге у Мори и Мацумура была возможность пообщаться с японскими студентами, проходившими здесь обучение по распоряжению центрального правительства Японии – бакуфу. От одного из них – Итикава Бункити – они узнали о планах русского правительства по строительству железной дороги, призванной облегчить передвижение по стране. Итикава в свою очередь услышал об этом от Татибана Косай – японца, прибывшего в Россию в 1856 г. В Петербурге он звался Владимиром Иосифовичем Яматовым. Не имея возможности вернуться на родину, которую он покинул в нарушение сёгунского запрета о выезде из страны, Татибана до 1874 г. жил и работал в России. Он служил переводчиком в Азиатском департаменте Министерства Иностранных дел Российской империи, а с 1870 г. стал преподавать японский язык в Петербургском университете. В 1866–1867 гг. «первый русский японец», как его часто называют в отечественной историографии, тесно общался со студентами бакуфу, помогая им разобраться в особенностях российской культуры и традиций, и, судя по информации, полученной Мори через Итикава, делился с ними служебными новостями.

В конце шестидесятых годов XIX в. в России широко обсуждалась возможность соединения железнодорожными артериями всех российских территорий. Об этих разговорах и сообщил японцам Татибана. «Сейчас через северную Азию, из России (имелась ввиду европейская часть России – М.К.) до Амура можно добраться за два месяца. Теперь русские собираются на половине этого тракта проложить железную дорогу, что позволит сократить время в пути от Хоккайдо до Санкт-Петербурга до четырнадцати дней. Нам нужно серьезно опасаться претензий русских на мировое господство!» – записал Мори в своем дневнике после разговора с Итикава Бункити³⁴.

³³ Коро Кико. Указ. соч., с. 17.

³⁴ Там же, с. 24.

Нужно сказать, что пребывание в Петербурге и общение с японскими студентами несколько скорректировало прежние представления Мори Аринори о России, как о стране «слабой». По крайней мере, на страницах «Коро кико» он писал, что помимо суровой русской зимы, которая в свое время смогла остановить даже войска Наполеона, страна обладает достаточно многочисленной армией и тратит значительную часть бюджета на усиление боеспособности своего государства. В качестве примера он привел статистику за 1864 г. В этом году, по представленным им данным, общее количество военных расходов Российской империи составило 300 157 500 фунтов, из которых 487 500 фунтов было потрачено на военно-морской флот, который, как подчеркивал Мори, в то время занимал третье место в Европе (после английского и французского) и 200 700 000 фунтов на сухопутную армию³⁵. Судя по тому, что статистические данные вновь были представлены в английских фунтах, они, как и данные о российской торговле, были взяты из британских источников³⁶. Достоверность их вызывает сомнения. По крайней мере, согласно «Статистическому временнику Российской империи» за 1866 г.³⁷, выпускавшемуся центральным статистическим комитетом Министерства внутренних дел России, порядок сумм был совсем другим³⁸.

Цифры, приведенные Мори, демонстрировали, что Россия активными темпами укрепляет флот и армию, что усиливало опасения в отношении планов последней по укреплению ее позиций в тихоокеанском регионе, в том числе и военными средствами.

В целом же краткосрочный визит в Россию не изменил мнения Мори о том, что, несмотря на огромную территорию и не меньшие политические амбиции, Российская империя является периферией Европы не только с точки зрения географического положения, но и по уровню ее культурного развития. «Народ тут в большинстве своем имеет вид простовато-деревенский», — писал он в своем дневнике. «То же можно сказать и про местных солдат, которые не идут ни в какое сравнение с английскими»³⁹.

³⁵ Там же, С. 33.

³⁶ В дневнике отсутствует информация о том, из каких конкретно источников были взяты эти статистические данные.

³⁷ Статистический сборник «Статистический временник Российской империи» стал выпускаться с 1866 г.

³⁸ Согласно официальной статистике, в 1866 г. Военное министерство Российской империи получило из бюджета 116 529363 рубля 22 копейки, а Морское министерство 21 636 417 рубля 9 копеек (если учесть, что курс английского фунта в 1866 г. равнялся 6 рублям 25 копейкам, то в английских фунтах эти суммы соответственно должны были составить 18 654 778 фунтов и 3 461 826 фунтов. (Статистический временник Российской империи. Центральный статистический комитет министерства внутренних дел. Санкт Петербург, 1866, с. 531.) Так что порядок цифр был несколько иным. Кроме того, цифры расходов на армию и флот, приведенные Мори, на 98 970 000 фунтов превышают заявленную им же сумму общих расходов российского бюджета, выделенного на военные цели.

³⁹ *Коро Кико*. Указ.соч., с. 24–25.

О русском менталитете...

В своих дневниковых записях Мори отметил, что отставание России от развитого Запада обусловлено не только отсутствием необходимых для успешного развития государства коммерческих навыков, но и особенностью русского менталитета, на формирование которого большое влияние оказала религиозная обособленность российского государства. Нельзя сказать, чтобы в то время Мори, которому едва исполнилось девятнадцать лет, сильно интересовался западной религией или хорошо разбирался в основах христианской веры. Его письма и дневники говорят о том, что в то время он был больше увлечен изучением социальных и политических достижений Европы, нежели религиозными доктринами отдельных европейских стран. Тем не менее, после посещения Исаакиевского собора, который поразил японца своим величием и убранством, Мори сделал следующую запись: «Здесь исповедуют особую религию...она пришла из Греции, но за исключением некоторых особенностей напоминает римское католичество... В мире много религиозных стран, но Россия одна из самых набожных. Церквей и храмов в России столько, что невозможно сосчитать. Когда люди проходят мимо церкви, они обязательно снимают головной убор и кланяются. Иногда кланяются, став на колени и касаясь головой земли, а иногда отвешивают поклоны стоя»⁴⁰.

Здесь нужно иметь ввиду, что увиденное в церквях и на улицах Петербурга лишь укрепил представление об отсталости русского менталитета, скованного рамками православной веры, сложившиеся ранее, еще в Лондоне, за чтением английских газет. Подтверждением тому могут служить высказывания Мори, сделанные в письме к брату до визита в Россию. В нем он жестко раскритиковал веру русского народа в сакральную сущность царской власти и его убеждение в том, что российский царь является помазанником божьим, что дает последнему право решать судьбы России и ее подданных. «Все государственное управление здесь подчинено воле не народа, а исключительно воли монарха. Если монарх просвещенный, то в стране благоденствие, если монарх темен, то в стране наступает кризис».⁴¹ Тон письма не оставляет сомнений в том, что сакрализацию верховной власти Мори считал признаком отсталости государства. «Что за глупость возводить императора в статус бога»⁴² - пишет он в заключении. Сомнительно, чтобы восемнадцатилетний Мори – представитель страны, где культ обожествления императорской власти имел тысячелетнюю историю, пришел к такому выводу самостоятельно. Однако именно такие высказывания в

⁴⁰ Там же, с.25–26.

⁴¹ Мори Аринори дзэнсю. Указ. соч., с. 52–53.

⁴² Там же.

адрес государственной власти Российской империи и ее тесной связи с религиозными верованиями русского народа можно было встретить на страницах английских газет середины XIX в.⁴³. Практически каждая статья, посвященная русской православной церкви, начиналась с постулата: церковь в Российской империи является неотъемлемой составляющей государства. Не удивительно, что критика в отношении политического устройства империи автоматически распространялась и на ее религиозную составляющую.

В разгар Крымской войны (1853–1856) популярное в то время английское издание «The new monthly magazine», подвергнув детальному разбору практически каждую составляющую русского православия, подытожило: «Вот это и является религией или правильнее было бы сказать суеверием народа, чьи лидеры-тираны имеют дерзость замахнуться на свободу и цивилизацию Европы, заявляя при этом о своей святой миссии»⁴⁴.

Английская русофобия середины XIX века основывалась на конфликте не только внешнеполитических интересов, но и идеологических концепций. С точки зрения англичан, сформировавшиеся в течение веков политические, социальные и религиозные институты Российской империи тормозили развитие во всех слоях российского общества индивидуализма, самостоятельности и трудолюбия – трех качеств, вызывавших наибольшее восхищение в Англии XIX в. Как писал в 1859 г. другой печатный орган Британии “British quarterly review”: «Русский народ сохранился в нетронутom состоянии словно мамонт, найденный в куске льда»⁴⁵. Подобное сравнение, прозвучавшее из уст англичанина викторианской эпохи, сложно было назвать комплементарным.

Сравнительный анализ высказываний Мори Аринори о России, сделанных в письме к брату от 6 июня 1866 г. и в дневниках, написанных во время его пребывания в Петербурге в августе того же года, показывает, что взгляд на Российскую империю как на государство, уступающее в своем развитии передовым странам Запада, сформировался на основе не столько личных впечатлений, сколько под влиянием той информации, которую Мори прочел и услышал о ней в Великобритании.

«И не наступать на тень учителя...»

Осознавал ли Мори Аринори, что образ государства, собранный из высказываний представителей страны, являвшейся внешнеполитическими

⁴³ Torn III, William. Russia and the British periodical press 1856–1903. A Study of attitudes towards Russian internal affairs. The University of Rochester, PhD Dissertation, 1968, P. 54.

⁴⁴ The New monthly magazine. Vol. 106. London, 1856, P. 353–355.

⁴⁵ Serf Emancipation in Russia // The British quarterly review. London, 1859, vol. XXIX, p. 155.

и идеологическим оппонентом России, будет необъективным или даже предвзятым? Современники Мори, в том числе и иностранцы, те, кому довелось общаться с ним лично, подчеркивали его высокий интеллект и способность к аналитическому мышлению. К примеру, известная английская путешественница-натуралист Изабелла Берд, встретившая Мори в Токио в 1878 г., охарактеризовала его следующим образом. «Господин Мори один из самых прогрессивных японских политиков, который даже в условиях азиатского деспотизма остается «выдающимся либералом»... в отличие от большинства японцев он говорит на великолепном английском».⁴⁶

Конечно в 1866 г. Мори был еще юн и недостаточно сведущ в межгосударственных проблемах европейских держав, однако непростой характер русско-английских отношений и желание Великобритании ограничить усиление России на Дальнем Востоке были фактами общеизвестными. Почему же Мори игнорировал их при формировании собственного мнения о Российской империи?

Думается, что ответ на этот вопрос, следует искать в особенностях японского менталитета, в японском пути постижения истины, который складывался и формировался на протяжении веков. На этом пути, целью которого являлось овладение новыми умениями, навыками и идеями, неважно к какой области знаний они относились, главную роль играла фигура учителя. Учитель-толкователь, учитель-наставник, учитель-носитель высшего знания – его авторитет был беспрекословен. Возможно, что в процессе формирования взглядов на Россию Великобритания стала для Мори своеобразным *Учителем*. Ему было не столь важно, что Россия представляет собой на самом деле, как то, что о ее экономическом и военном потенциале, а также о ее внутренней и внешней политике, думают англичане. Образ России создавался им по канонам китайской живописи, согласно которым начинающие художники учились рисовать горные вершины, копируя не натуру, а работы великих мастеров. Для Мори Аринори таким *мастером* и *авторитетом* стало мнение Великобритании.

Почему именно Великобритания? Тому можно найти немало объяснений. Во-первых, на момент написания двух рассматриваемых нами документов Мори находился на учебе в Лондоне, в связи с чем информация на английском языке была для него наиболее доступной. Однако дело было не только в этом. Мори Аринори был выходцем из княжества Сацума. Его жители не были свидетелями прихода в Японию эскадры commodora Перри (1854), положившей конец политике изоляции. Они не пережили шока от появления огромных, извергающих клубы дыма кораблей чужаков в закрытый для них залив Эдо. Кораблей, чьи орудия

⁴⁶ *Isabella F. Bird*. Unbeaten tracks in Japan Including visits to the aborigines of Yezo and the shrines of Nikko and Ise. New York, 1900, P. 207.

были направлены на сёгунскую столицу. Другими словами, для жителей княжества Сацума авторитет США как страны открывшей Японию, не был очевиден. Их столкновение с военной мощью Запада произошло позже, в августе 1863 г., когда орудийный обстрел эскадры ее Величества королевы Великобритании практически полностью уничтожили прибрежную часть города Кагосимы – столицы княжества. Демонстрацией своей военно-морской силы Англия сумела снискать у сацумцев статус державы-учителя, державы-ориентира.

Авторитет наставника – причем наставника иностранного пришел в Японию вместе с заимствованиями из Китая и прочно утвердился в ее традиционном способе познания. В известном буддийском наставлении «Додзикё» («Наставление для детей») говорилось: «ученик должен идти на семь сяку позади учителя и не наступать на его тень». Видимо именно этот принцип был взят Мори за основу при составлении мозаики под названием «картина российской действительности». Мори смог отыскать далеко не все ее части, а ряд найденных были так исковерканы «английской точкой зрения», что сложить из них объективный образ Российской империи оказалось практически невозможно.

Вскоре после реставрации Мэйдзи, 11 февраля 1871 г. новое императорское правительство приняло так называемые «Правила обучения за рубежом». Согласно им только четыре страны (Великобритания, США, Франция и Пруссия) были рекомендованы японцам для поездок с целью обучения. Что касается России, то туда японские власти советовали только тем, кто хотел «понаблюдать за процессом государственного строительства»⁴⁷.

Принимая во внимание особенности формирования представлений о России в период *бакумацу*, а также факт того, что до 1871 г. шанс познакомиться с северным соседом Японии лично представился крайне незначительному количеству японских подданных, можно предположить, что и в эпоху Мэйдзи высказывания представителей других европейских наций сыграли не последнюю роль в принятии решения о причислении Российской империи к разряду государств не способных стать для молодого японского государства примером для подражания.

⁴⁷ Подробнее см.: *Минору Ватанабэ*, Киндай нихон кайгай рюугакусэйси (История японских студентов, обучавшихся за границей). Токио, 1977, т. 1, с. 213–220.